Министерство культуры Омской области
Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского
Омский государственный педагогический университет

Сибирь литературная. XVIII–XXI вв.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

23–24 мая 2014 г.

Омск – 2014

5. Виктор Иванович Уфимцев. Архив. Дневники, фотографии, рисунки, коллажи, живопись / Авт.-сост. И. Галеев, З. Девятьярова. – М., 2009.

6. А. Покойнички в Таежных зорях // Советская Сибирь. – 1922. – 19 августа.
7. ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 587.
8. Зусман Л. Воспоминания о Петре Алексеевиче Осолодкове // Советская живопись – 79. – М., 1981.

СОВЕТСКИЙ СЕВЕР В ПРОЗЕ А.М. КЛИМОВА: К ИСТОКАМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕОКОНЦЕПТА*

Ю.С. Подлубнова

Екатеринбург

Советский Север – один из геоконцептов сталинской культуры, появившийся на свет в связи с обусловленной промышленными интересами экспансионистской деятельностью СССР в районах Крайнего Севера и образованный в лингвистическом отношении по расхожей модели, когда советскими официально или неофициально назывались не только республики, но и отдельные регионы страны: Советская Сибирь, Советский Урал и т. д. Районы Крайнего Севера и местности, приравненные к ним, как известно, составляют около половины территории РФ и составляли не менее трети Советского Союза. Эта значительная часть страны, богатая природными ресурсами, в 1930-е гг. была стратегически необходима Сталину для реализации политических и сопутствующих им экономических замыслов. На Север перераспределялись людские потоки: ученые, специалисты различного профиля, летчики, моряки, рекрутированные рабочие, а также иная рабочая сила: заключенные. Действия по освоению Советского Севера сопровождались широкой информационной поддержкой в центральной и региональной прессе: полярники были безусловными героями советских дискурсов.

* Исследование подготовлено в рамках интеграционного проекта УрО – СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

С точки зрения географической Советский Север соотносился с северо-восточными территориями страны, включающими Арктику, Сибирь и отчасти Дальний Восток. Это положение во многом определило удельный вес геоконцепта, ибо, как отмечает Ю.М. Лотман, для русской культуры довольно характерно представление, что судьба России – на Северо-Востоке [Лотман 2005: 26]. Исследователь метафизики Севера Н.М. Теребихин на примере древнерусской космографии указывает на типичное «соположение Севера и Востока», которое имеет важное значение «для осознания сакральной природы русского образа освоения пространства, который не был отягощен утилитарными целями материального преобразования мира, но представлял собой эсхатологический исход русского народа на Восток, в райскую преображенную страну "новой земли и нового неба"» [Теребихин 2004: 126]. Утопические представления, укорененные в сознании русского человека, совместились с чаяниями социалистической эпохи, мечтой о «светлом будущем». По сути, Советский Север в культурных отражениях конструировался как интенсивно осваиваемое пространство рая, квинтэссенция сталинской утопии, постулат всемогущества советского строя.

Искусство 1930–1940-х гг. громогласно превозносило мужество и храбрость покорителей полярных просторов. Стоит вспомнить популярность киноленты «Семеро смелых» (1936) С. Герасимова или романа «Два капитана» (1938–1944) В. Каверина. Эти произведения – лишь вершина айсберга, в основе которого находится множество публицистических и художественных текстов сталинского времени, тиражирующих, а иногда и генерирующих смысловые структуры и семиотические коды Севера. Одним из малоизвестных авторов, посвятивших свое творчество Советскому Северу, стал писатель и журналист Анатолий Матвеевич Климов (1910–1945), выходец с Южного Урала, откликнувшийся в 1931 г. на призыв ЦК ВЛКСМ принять участие в освоении Арктики.

Как вспоминал сам А. Климов, в Арктике он «делал все, что поручали: организовывал первые национальные советы, организовывал колхозы. Был

редактором газет по ловле рыбы в море. Летал вместе с Молоковым, Водопьяновым, Головиным, Алексеевым на первых авиатрассах Севера» [Цит. по: Капитонова]. На оленьих упряжках и на собаках А. Климов проехал по Заполярью, работал в Салехарде, Норильске, Игарке, Березове, на Диксоне и Новой Земле. Его наблюдения легли в основу очерков и рассказов, которые охотно публиковала региональная и центральная пресса (в 1934 г. А. Климов утвержден корреспондентом «Правды» по Ямальскому округу). Первая книга А. Климова «Сердце тундры» вышла в Омске в 1935 г. В 1938 г. писатель составил и выпустил книгу пионерских стихов и рассказов «Мы из Игарки», отмеченную вниманием А.М. Горького и получившую международное признание. После возвращения в Троицк А. Климов не оставил тему Советского Севера, хотя постепенно занялся другими проектами*. Итоговый сборник рассказов и очерков о Севере вышел в 1950 г. в Челябинске, уже после смерти писателя.

Как очевидец многих усилий по освоению Арктики А. Климов, без сомнения, находился у истоков формирования геоконцепта и запечатлел в своих текстах целый ряд семантических доминант, и в частности, экспансионизм как стратегию освоения Севера и как особенность советской пространственной модели.

Стоит напомнить, что отнюдь не советские авторы были первопроходцами и описателями многих земель, особенно к северо-востоку от столицы. Экспансионизм был характерен для российской империи и стратегически работал на поддержание имперского статуса – реализовывался сценарий развития страны за счет приращения земель. Эти стратегии отражались и в искусстве. Как отмечает Е.К. Созина, «Серебряный век заново открывал для культурного освоения многие регионы мира и Российской империи. Именно в этот период в русской культуре оформляется

---

* В мае 1937 г. А. Климов был арестован по доносу, после нескольких месяцев тюрьмы вернулся в Троицк уже инвалидом.

своя мифопоэтика и этнотопика Севера, уже не связанного с Северной столицей – Петербургом» [Созина 2012: 184]. М. Пришвин, К. Жаков, К. Носилов – ряд писателей, разумеется, можно продолжить – внесли значительный вклад в создание геоконцепта Севера. Однако природа советского экспансионизма была обусловлена не только имперским наследием, но и внутриполитическими процессами в СССР. Исследователь советской культуры Е. Добренко, рассуждая о «топике бескрайней страны», пишет: «Страна как будто сплющилась: миллионы километров потеряли объемность. Вся Страна превращается в Периферию себя самой, но эта Периферия, в свою очередь, оказывается Границей. Внутреннего пространства нет. Периферия – это сама граница» [Добренко 1996: 101]. Это искусственно смоделированное ощущение плотного пространственного кольца, смыкающегося вокруг Москвы, – следствие жесткой сталинской централизации страны. Но при том центростремительная тенденция советской пространственной модели не была единственной, она требовала балансировки за счет тщательно канализированных центробежных тенденций, что и порождало риторику освоения/завоевания все более отдаленных земель.

Знаки советского экспансионизма присутствуют во всех текстах А. Климова. Интенсивное расширение/присвоение пространства происходит как на уровне страны, так и на уровне персональной географии, являющейся, впрочем, составной частью общей пространственной модели. В рассказе «АНТ–9» А. Климов повторяет клише эпохи: «В Стране Советов нет далеких, недоступных окраин, их не может быть!» [Климов 1950: 156]. Его герои отважно вылетают из Свердловска в Обдорск (ныне Салехард), единственный город, находящийся на Полярном круге, но почти не задерживаются в нем, а отправляются далее: в Карское море, к острову Вайгачу для связи с зимующим во льдах ледоколом «Ленин». Их миссия проваливается из-за бурана, однако для рассказа это не имеет большого значения, так как сверхмиссия освоения Севера за счет постоянного

присутствия здесь человека, выполнена. В начальных фрагментах пионерской книги «Мы из Игарки», написанных самим А. Климовым, зримыми символами освоенной Арктики выступают прокладка Великого Северного морского пути и строительство Игарки, города и порта, «форпоста культуры» в зоне вечной мерзлоты. Эти события позиционируются как апофеоз строительства советской утопии на Крайнем Севере.

Важной особенностью советского экспансионизма явилось активное преображение человеком природы, вмешательство в ее глубинные механизмы, обусловленное прагматикой эпохи, потребностью в быстро и недорого добываемых ресурсах. Север в советской публицистике и в следующей за ней литературе не рассматривался (преимущественно не рассматривался, хотя были и исключения, ориентированные на художественные практики начала XX века) как уникальная природная и этнографическая территория. К примеру, Игарка изображалась как город, построенный из разных пород дерева, и как огромная лесообрабатывающая фабрика. «Игарка – детище леса. Каждый год весной в половодье плывут по Енисею в Игарку плоты, тихие, как черепахи, плавучие острова. Сюда сплавляют ангарский мачтовый, енисейский строевой, корабельный и прочий лес. Пятнадцатиметровые бревна распиливают на игарских лесозаводах, изготовляя доски – длинные и короткие, тонкие и толстые, узкие и широкие. В проворных руках передовиков-распиловщиков толстые бревна превращаются в тончайшие ящичные дощечки, в паркетные плитки, в гибкие дранки» [Мы из Игарки 1957: 32]. Вопрос сбережения леса в книге не ставился. Или еще один показательный пример. Охота, как известно, традиционный промысел народов Севера. В Стране Советов она приобрела специфический статус трудовой деятельности и расценивалась как посильный вклад в общее дело строительства социализма. Именно этим объясняется живой интерес А. Климова к белкованию (охоте на белок) в очерке «По пороше» (1939) или искренняя радость 14-летнего Миши Золотарева в рассказе «Песцы» (сб. «Мы из Игарки»), научившегося снимать

с песцов шкурки. «Домой я прибежал радостный и похвастался: – Давай, папа, вместе будем песцов обдирать. Я тоже умею теперь!» [Мы из Игарки 1957: 153]. Человек в сталинской культуре – победитель природы, какой бы суровой она ни казалась, поэтому ему ничего не остается, как быть настойчивым в достижении своих целей и предельно жестким.

В рамках российской, а затем и советской пространственной модели Урал, Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север традиционно выступали как индексы периферии. Однако в тоталитарной географии, отмечают А. Куляпин и О. Скубач, «столица и периферия, будучи предельно разделены и противопоставлены, стремятся, в то же время, стать изоморфными друг другу» [Куляпин 2006: 13–14]. Это наблюдение можно продолжить рассуждениями о том, что изоморфизм такого рода достигается во многом за счет построения в центре и разных точках периферии однородных социальных структур, приведения к общему знаменателю содержания сознания обитателей страны. Экспансионизм сопровождался неизбежной колонизаторской политикой, и в этом отношении экспансионизм советского образца опять-таки наследовал экспансионизму имперскому, однако отличался от последнего более широким использованием цивилизационных практик и просветительского инструментария. Усиленную советизацию малых народов можно рассматривать как одно из смысловых полей концепта Советского Севера.

В рассказе «Рождение песни» А. Климов повествует о беззаветной работе комсомолки и акушерки Зои Стародумовой, посильно улучшающей быт ненцев, приучающей их соблюдать правила личной гигиены, лечащей их. Успехи ее таковы, что благодарные кочевники складывают о ней песню. Цивилизаторским поступкам Зои сопутствует миссионерская деятельность: вечерами у костра она рассказывает ненцам о Ленине, комсомоле, советской власти, формирует мировоззрение доверившихся ей людей. Именно так происходит советизация малых народностей Севера, ради которой созданы комсомольские или красные чумы, сопровождающие кочевников в тундре. В

этом же рассказе кроме Зои описываются и другие работники такого чума: заведующий чумом «зырянин-комсомолец, безупречно владеющий ненецким, хантэйским и родными языками, хорошо знающий тундру и кочевников, энергичный Андрей Филиппов», школьный работник комсомолка Мария Ануфриева, прекрасно знающая не только эти языки, но и их письменность. «Маруся родилась в тундре, и поэтому ненцы знали ее давно, верили ей и любили» [Климов 1950: 55]. Маруся открывает школу-передвижку, где наряду с обучением читает собравшимся газету «Красная тундра» на ненецком языке, в которой высмеиваются кулаки и шаманы и рассказывается о красивой жизни советских колхозов. В еще одном очерке А. Климова, названном «Ее рассказ», воспроизводится узнаваемый для русской литературы сюжет о забитой девушке, смогшей преодолеть свою забитость и изменить жизненные обстоятельства: Ватане Няруй, получив заказ от комсомольского чума по пошиву малиц, организует в Ныде первую ненецкую женскую пошивочную артель. В финале она уже может написать письмо брату, уехавшему учиться в Ленинград, и желает ему «учиться хорошо» и быстрее возвращаться в тундру, где происходит коренная ломка быта. В рассказе «Павел и Нумги» встречаем историю о молодых ненцах, влюбленных друг в друга, убегающих от родителей невесты и женящихся по Красному закону.

Советизация Севера в 1930-е гг., сопровождающаяся форматированием идентичности кочевников, вызвала необходимость переосмысления истории малых народностей, разработки новой мифологии (например, строительство Игарки как акт теургии), соотносимой с советской картиной мира и системой ценностей. Примером нарратива, утверждающего приоритет советской историографии Севера, является повесть (главы из неоконченной повести) «Ваули Пиеттомин» (1932–1937), которую А. Климов посвятил восстанию на Северном Ямале в 1825 и его лидеру Ваули Пиеттомину. «Старики до сих пор поют о нем – народном национальном герое – волнующие сказки-песни» [Климов 1950: 6], – утверждает автор,

обосновывая свой выбор персонажа. Ваули Пиеттомин в повести – не просто организатор повстанцев, но один из культурных героев, призванных вытеснить из нарративов традиционных персонажей ненецкого эпоса. Это уже не фольклорные животные, но человек из самой гущи кочевников, не просто охотник и глава чума, но «гиперборец», носитель классового революционного сознания, «вставший над угнетенной тундрой». «Суровая борьба за жизнь, законы сильнейшего, испытанные им еще в детстве, наглый, отвратительный разбой царской своры и попов, выковали в нем непреклонную волю к борьбе за счастье, за вольную, радостную жизнь в снегах и большую ненависть к кабале, нищете и горю» [Климов 1950: 19]. Героизация революционного прошлого как часть мифологической модели присутствует и в рассказе «В тайге», посвященном реалиям Гражданской войны в Сибири.

Героизация – ключевой параметр концепта Советского Севера, и социальное – лишь один из его аспектов, не самый значительный, хотя и важный с идеологической точки зрения. По сути, ядерной зоной геоконцепта становятся отношения человека и пространства, предельно враждебного человеку. Метасюжетом здесь является прохождение героя через «универсумы испытания» (Е. Добренко). Север и его условия – мерзлота и пустота, летний холод, внезапные бураны, дикие, опасные животные, отсутствие комфортных условий для жизни и т.д. – и есть сплошной «универсум испытания». Более-менее успешное прохождение через них делает из обывателя сверхчеловека. Например, героем, готовым к любым трудностям, предстает в рассказе «Знакомство с героями» (сб. «Мы из Игарки») мальчик Лева. «– Подготовляться нужно и закаляться, – всегда говорит Лева товарищам. – Мы живем на суровом Севере, поэтому должны быть сильными!

Сам он не отступает ни перед чем. Нужно плыть по Енисею, – пусть волны, пусть шторм – он плывет. Захотелось погулять на лыжах, – пусть ночь, пусть пурга, пусть пятидесятиградусный мороз – он идет. Почему? Да

потому, что если прятаться от опасностей, не будешь уметь с ними бороться» [Мы из Игарки 1957: 172]. Таким же героем становится и упавший духом на зимовке полярник Андрей, которого другие зимовщики воспитывают тем, что выгоняют в мороз на улицу, и эти испытания укрепляют его (рассказ «Человек с песней»). Однако Лева и Андрей – это как бы сверхлюди в проекте, настоящими героями с большой буквы представлены бывалые зимовщики и летчики, присланные на Север выполнять профессиональные задачи и абсолютно бесстрашные перед суровой природой и испытаниями, даже если они требуют от них работы на пределе человеческих возможностей. Именно они – персонифицированная власть на Севере и над Севером; представители интересов страны в освоении/присвоении пространства. Им посвящены рассказы «Падорга», «АНТ–9», «Самолет в космосе», «Бухта Тюленья».

Ситуация прохождения героями «универсумов испытания» – типичная для соцреализма. Концепт Советского Севера, безусловно, неотделим от соцреалистической картины мира, и можно сказать, что в его художественных отражениях мы находим дистиллированный соцреализм с его титаническим торжеством человека над нечеловеческими обстоятельствами.

Однако соцреализм кроме всего прочего – это и диалектика желаемого и действительного. Важно, что А. Климов в своих текстах выступал не просто как очевидец освоения районов Полярного круга, но и как писатель, моделирующий пространство желаемого. Все его творения, по сути, направлены на формирование идеала, за которым должна следовать жизнь. Советский Север – это идеальный конструкт, вовсе не обязательно совпадающий с тем, что представлял собой Север в действительности: бескрайние километры мерзлоты и пустоты, поглощающие человеческие жизни.

Интересна сама судьба геоконцепта: он был востребован все время существования Советского Союза и, более того, оказался у истоков

появления еще одного значимого для советской культуры концепта. Думается, прав К. Кобрин, усматривающий прямую связь между Советским Севером и Советским Космосом (запредельные «универсумы испытания»), полярниками и космонавтами (сверхлюди, наделенные способностью выживать в невозможных для жизни условиях) [Кобрин 2010: 28]. В этом плане вспоминается культовый в 1970-е гг. роман И. Давыдова «Я вернусь через тысячу лет» (1968), в котором герои отправлены на освоение планеты Рита, очень похожей на Землю, и точно так же, как на Земле, с надеждой смотрят на суровый северо-восток, богатый нефтью и другими полезными ископаемыми, который надо отвоевывать у суровой природы… В 1990-е гг. концепт Советского Севера потерял актуальность, как потеряло ее все советское, а возрождение интереса к Арктике произошло уже в 2000-е гг. вместе с проектами нефтяных разработок в районах Крайнего Севера и поисками новых метафизических оснований власти.

Список литературы:

Добренко 1996 – Добренко Е. До самых до окраин // Искусство кино. 1996. № 4. С. 97–102.

Капитонова – Капитонова Н. А., Метелева Н. Ф. Климов Анатолий Матвеевич. URL: http://old.chelreglib.ru/el_izdan/kalend2010/klimov.htm.

Климов 1950 – Климов А. М. Северные рассказы. Челябинск: Челяб. обл. гос. изд-во, 1950.

Кобрин 2010 – Кобрин К. Нордиализм // Полярная антология. М.: Паулсен, 2010. С. 17–29.

Куляпин 2006 – Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920–1950-х гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.

Лотман 2005 – Лотман Ю. М. О семиотике страха в русской культуре // Семиотика страха. М.: Русский институт; изд-во «Европа», 2005. С. 13–35.

Мы из Игарки. Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1957.

Созина 2012 – Созина Е. К. Северные нарративы начала XX века // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 179–189.

Теребихин 2004 – Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004.